

Наши предшественники

322 Татьяна Щурова
«Одесский понедельник»

Татьяна Щурова

«Одесский понедельник»

Речь пойдет об общественно-политической литературной и коммерческой газете, выходившей в нашем городе всего два месяца – с начала августа до начала октября 1913 года. Тем не менее, это издание, думается, еще не раз пригодится исследователям.

Ответственным редактором в газете был известный критик и журналист Петр Моисеевич Пильский (1876-1941), автор хлестких дерзких статей. В воспоминаниях о нем отмечается, что он «писал умно и увлекательно, блестяще владел стилем». Одесситы хорошо его знали, в частности, по работе в популярном журнале «Южная неделя» (1912-1913).

Высокий профессионализм Пильского проявлялся и в подборе авторов. В девяти номерах газеты были опубликованы зарисовки из еврейской жизни Семена Юшкевича, рассказ Шолом-Алейхема «Ритуальное «убийство», мемуары Сергея Уточкина «Моя жизнь», стихи одаренного Семена Кесельмана. Последний был, кстати, не единственным автором «Одесского понедельника», кто интересно заявил о себе еще в 1911-12 гг. в журнале «Одесский крокодил». Это художники Борис Антоновский и Лазарь Митницкий, автор небольших рассказов и зарисовок Ефим Зозуля. Когда они пришли работать в газету, каждому из них исполнилось 22 года.

Публикации самого Петра Пильского звучат злободневно и в наши дни. Например, в статье-фельетоне «Литература в шляпе», где он общается с воображаемым скептическим другом, есть слова, вполне актуальные сегодня: «...Вождей нет. Авторитета у читателей тоже нет. Любовь масс утеряна. Органы печати вянут, блекнут, линяют и поспешно, задыхаясь от бега, устремляются... на услужение. ...Теперь пришел на смену литературы рахат-лукум. Картофельная мука – раскрашенная и подслащенная. Липко, приторно и несытно...».

Знатоки театра во многом согласятся с Пильским, прочитав его статью «Роман с театром». Нас тоже смущает сегодня, что «есть борьба за роли. Есть борьба за оклады. Но нет – и притом никакой! – борьбы за будущее театра... Театр перестал пленять. Иногда он тешит, но это не санкция существования и не право на жизнь... Между публикой и сценой давно постылая семейная жизнь: все знакомо, все приелось, все известно заранее. На сцене умер фанатизм исканий и завоеваний...».

В каждом номере «Одесского понедельника» находим публикации наблюдательного Ефима Зозули, приехавшего в южный город и быстро напитавшегося его соками. Точные зарисовки людей, улиц, событий поданы им с глубокой психологичностью, которой он, не скрывая этого, учился у Чехова.

Сегодня трудно сказать, почему это удачное периодическое издание просуществовало столь недолго, почему его постигла судьба многих одесских газет и журналов того времени. Безусловно, спустя почти сто лет что-то неизбежно устареет. Но возвращение к публикациям талантливых людей остается драгоценным материалом для изучения и просто удовольствием для многих читателей.

Большіе и малые,

ПОРТРЕТЫ И ШАРЖИ. (Наши писатели и журналисты).

...Средь дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголь...
И такъ далѣе...

Х. Н. Бяликъ.

Довольно рослый, плотноватый человекъ, съ плѣшью во всю голову и простоватымъ свѣтлоусымъ лицомъ.

Это – поэтъ Бяликъ. Тотъ самый Бяликъ, котораго вполне заслуженно называютъ еврейскимъ Пушкинымъ.

У него собственная типографія. Въ ней онъ проводитъ не мало времени. Озабоченно щелкаетъ на счетахъ. Внимательно вглядывается въ конторскія книги. Морщитъ лобъ. Вытираетъ платкомъ потъ съ лысины. Словомъ, работаетъ. Совсѣмъ по обыкновенному.

Дома тоже самое. Въ обыкновеннѣйшей квартирѣ пьетъ обыкновеннѣйшій чай. Радъ побесѣдовать съ гостемъ. Иногда легко смущается. Говоритъ охотно: о литературѣ, русской и еврейской, о людяхъ, «о томъ,

о семь». Гостепріименъ. Милъ. Любитъ рассказать анекдотъ – мадороссійскій или еврейскій. Рассказываетъ и хохочетъ. Громко, грубовато и сочно.

И кто – глядя на него – подумаетъ, что это тончайшій, глубочайшій поэтъ, высоко взлетающій надъ жизнью, знающій нѣжнѣйшіе оттѣнки всѣхъ ея скорбей, тревогъ, красотъ и радостей?...

А. Бискъ.

Тоже поэтъ. Очень любитъ посвящать стихи барышнямъ и носить длиннополый сюртукъ въ стилѣ сороковыхъ годовъ. И котелокъ тоже, приблизительно, въ этомъ стилѣ, какой-то четырехугольный.

Говоритъ томно. Улыбается томно. И стихи читаетъ тоже томно и нараспѣвъ.

Но дома энергично, безъ пиджака, помогаетъ вести дѣла отцу и вмѣстѣ съ нимъ продаетъ брилліанты.

Свою книжку назвалъ: «Разсыпанное ожерелье». Однако, въ жизни онъ осторожнѣе. Еще ни разу не случилось, чтобы покупателю, вмѣсто ожерелья, хотя-бы и разсыпанного, онъ отпустилъ свои стихи...

И. Горѣликъ.

Корреспондентъ «Русскаго Слова», корреспондентъ «Русскаго Слова» и... корреспондентъ «Русскаго Слова»...

Кромѣ того, милый одесситъ и любить рассказывать у Робина анекдоты.

Е. Генисъ.

Терпѣливый человекъ. Редактируетъ «Одесское Обзорѣніе Театровъ». Не пьетъ. Не куритъ. Не питаетъ особой слабости къ женскому полу. Любитъ почему-то слово «человѣкъ», но произносить его такъ: «челаэкъ».

Л. Думскій.

Большой, бродягообразный, но не страшный, а «такъ». Себѣ на умѣ.

Тихо заикается, причемъ придерживаетъ указательнымъ пальцемъ верхнюю губу и усиленно мигаетъ. Самоувѣренъ и отдаетъ далекой милой провинціей...

Вл. Жаботинскій.

Опрятный господинъ, съ ярко-пунцовыми цѣломудренными щеками

и съ добродѣтельно-скромно и гордо выпяченной нижней губой.

Очень наблюдателенъ, дѣятеленъ, энергиченъ.

Все успѣваетъ: разъѣзжать, писать, учиться, бывать въ иллюзіонѣ, читать лекціи, экзаменоваться и переводить не только съ древне-еврейскаго, но еще и съ итальянскаго.

Очень порядоченъ, уменъ, корректенъ. Красиво говорить. Словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ – «первый ученикъ», котораго ставятъ въ примеръ безпутнымъ молодымъ людямъ.

С. Ипполитовъ.

Пишетъ въ «Листкѣ», и лицо имѣетъ блѣдное-блѣдное. На немъ свѣтится пара полуусталыхъ, полупуганныхъ глазъ. Писать онъ будетъ еще много, но когда поставятъ памятникъ – пока никому неизвѣстно. Говоритъ громоздко, картаво, но мило. Во рту много золотыхъ зубовъ, но въ рѣчахъ золота меньше.

Отъ него вѣетъ чѣмъ-то благороднымъ, джентльмэнскимъ. Играетъ на билліардѣ.

Инберы.

Ихъ два: отецъ и сынъ. Отецъ (псевдонимъ – Кинъ) славный, хорошій культурный человѣкъ, но выраженіе лица имѣетъ такое, точно собирается чихнуть...

Сынъ-же веселѣе: одѣвается по-парижски и немножко похожъ на япон-

ца. Очень, какъ говорится, талантливъ, и въ пасмурную погоду ходить съ зонтикомъ.

Л. М. Камышниковъ.

Легкомыслень. Быстръ. Молодъ. Джентельменисть. Носить проборъ. Старається быть солиднымъ. Въ редакціи – даже важнымъ. Но похожъ на мальчика... Въ глазахъ стремительность, мягкость и неуверенность. Что-то хорошее и тутъ-же – неожиданно странное. Тоже въ сужденіяхъ, вкусахъ, даже шуткахъ.

Лоренцо.

Изящно одѣтъ, любезень и мягокъ. Скромень. Щеголяетъ цитатами изъ старыхъ «трогательныхъ» пьесъ и ошарашиваетъ вопросомъ:

– Откуда?

Любитъ поострить и самъ-же смѣется. Въ обществѣ «занимательнень». Показываетъ мудреные фокусы. Охотно и не-вульгарно говоритъ о женщинахъ. Лѣнивъ, безпечень. Въ редакціи держится гостемъ. Когда снимаетъ шляпу, то ежесекундно гладить макушку...

М. Линскій.

Извѣстенъ, какъ каррикатуристъ, но и пишетъ очень недурно. По внѣшности вполне европеецъ, чѣмъ (вмѣстѣ еще кое съ кѣмъ) замѣтно выдѣляется въ средѣ одесскихъ журналистовъ.

А. Муровъ.

Худенькій, утленькій, «птичій» молодой человекъ. Полу-мужчина, полуканарейка. Кромѣ того: политикъ, эстетъ, фельетонистъ и редакторъ. Втайнѣ очень самолюбивъ. Необычайно гордъ знаніемъ газетной техники. Фанатикъ типографіи. На людяхъ весель и покладистъ. Дамамъ неуклюже цѣлуетъ руку. Любитъ спорить. Въ спорѣ чувствуется невывѣтрившійся эсдекъ.

Незнакомецъ.

Самая благодатная фигура для шаржа. Но и самая легкая: втяните въ ротъ нижнюю губу, обнажите зубы верхней челюсти и скажите:

– Ну... дда...

И получится – Незнакомецъ.

Довольно милый человекъ, хотя чуть-чуть трусливъ и чуть-чуть боится жизни. Иногда бываетъ разсѣянъ. Тогда путаетъ: пишетъ въ «Одесскихъ Новостяхъ» правду, а говоритъ... фельетонами.

Н. Пересвѣтовъ.

Въ жизни ровно вдвое ярче, чѣмъ въ статьяхъ. Въ статьяхъ – хоть и подъ двумя псевдонимами – однотонень. Въ жизни-же природа была къ нему щедрѣе: отпечатала его въ двѣ краски...

Быть можетъ, поэтому у него час то – видъ именинника. Впрочемъ, можетъ быть, еще и потому, что служить въ банкѣ.

П. Пильскій.

Свою характеристику любить дѣлать самъ... дворникамъ при пропискѣ на новой квартирѣ.

Такъ, на листкѣ для прописки онъ написалъ однажды слѣдующее: «Петръ Пильскій, дворянинъ» и т. д.

А въ рубрикѣ «особыя примѣты» два слова:

– Умень и молчаливъ...

Это было въ прошломъ году, но дворникъ до сихъ поръ ходитъ съ открытымъ ртомъ...

Что-же касается меня, то я нахожу, что эти «особыя примѣты», конечно, очень определенны, но нѣсколько кратки, а дополнить ихъ мнѣ мѣшаетъ священный трепеть: редакторъ...

Сѣдой.

Сѣдовая борода, близорукіе глаза, очки, кажущаяся сутулость и двѣ руки, вѣчно торчація передъ грудью. Кажется, не то онъ ихъ собираетъ обнюхать, не то что-то схватить.

Тихъ, скромнень, простъ и милъ. Безъ дѣла чувствуетъ себя, повидимому, неловко. А дѣло это – сидѣть, уткнувшись въ газету, или книгу, или же писать своими таинственными іероглифами статьи.

Д. Тальниковъ.

Маленькій, коротконогій человѣчекъ съ большимъ собственнымъ достоинствомъ и чуть вздернутымъ носомъ. Обладаетъ счастливой особен-

ностью: говорить длинно и упрямо о томъ, что всѣмъ давно извѣстно.

И. М. Хейфецъ.

Высокій, сильный, суровый и твердый человѣкъ. Самое характерное въ фигурѣ – это упрямый наклонъ головы и шеи, съ смотрящими изподлобья глазами. Фактическій редакторъ «Одесскихъ Новостей». Гроза и ужасъ для начинающихъ.

Говоритъ очень мало. Ходитъ по комнатѣ такъ, точно собирается что-то опрокинуть. Удивительно трудоспособенъ, находчивъ, неожиданъ, смѣлъ. Внѣшне холоденъ, но, кажется, втайнѣ очень нѣженъ.

Приходитъ въ редакцію раньше всѣхъ и, прежде всего, составляетъ самъ списокъ умершихъ...

Е. Н. Щепкинъ.

Литературный профессоръ. Милый человекъ. Вѣчно съменить куда-то въ своемъ смѣшноватомъ котелкѣ, коротенькой крылаткѣ и съ саквояжикомъ въ рукѣ...

Говоритъ быстро-быстро, напряженно мигаетъ глазами и подергиваетъ лицомъ.

Иногда въ литературно-профессорскомъ обществѣ выпиваетъ вина. Тогда произноситъ длинные тосты и читаетъ наизусть массу стиховъ. Но чаще – тихо дремлетъ, положивъ подбородокъ на выскакивающую изъ живота манишку...

С. Юшкевичъ.

Большое, грубоватое неяркое лицо. Большой ростъ. На писателя похожъ мало. Больше такъ, приблизительно, на приличнаго уѣзднаго мясоторговца...

Славный человѣкъ. Немножко подражаетъ Куприну. Хочетъ быть «стихійнымъ». Ходить по Дерibasовской, широко размахиваетъ руками и говорить:

– Эхъ, хорошо-бы выпить...

Но пьетъ сладкій чай...

Увлекается живописью. Въ карманѣ пиджака носитьъ специально-намѣненныя копѣйки: для нищихъ...

А. Федоровъ.

Самое характерное въ лице это – странное сочетаніе сѣдыхъ волосъ и юношески-живыхъ глазъ.

Держится, какъ знаменитость, но съ «чеховской» простотой. Однако, простота выходитъ не чеховская, а чуть наивная... Очень увлекается живописью, старинными вещами и культурой Востока. И это у него то-же выходитъ почему-то наивно... Впрочемъ, эта хорошая, добросовестная, свѣжая федоровская наивность достаточно знакома изъ его книгъ.

Кажется, хорошій семьянинъ, легкій, мягкій, славный человѣкъ.

Пріятный собесѣдникъ. Умѣетъ выслушать и согласиться какъ разъ тогда, когда нужно.

Пессимистъ.

Журналистъ внѣ алфавитнаго списка. Выше средняго человѣческаго роста, небрежно-одѣтое, плотноватое существо, похожее на человѣка. Имѣетъ даже большой, совсѣмъ похожій на человѣческой, лобъ и неглупые глаза. Говорить членораздѣльно и даже въ иныхъ случаяхъ грамотно. Въ общемъ, внѣшность довольно пріятная. На истинно-русскаго похожъ мало. Въ лицѣ даже нѣкоторая интеллигентность имѣется – такъ, приблизительно, – мѣстечковаго помощника провизора изъ евреевъ.

ЗОЗУЛЯ.

ДЕПО ФОРТЕЦИАНЪ
В. ШТИГЛИЦЪ, Екатеринбургъ, № 20.

Начало осени.

Тревожнѣй шелестъ старыхъ сосенъ,
Уютнѣй домъ по вечерамъ;
Еще никто не скажетъ: осень,
Но сердцу грустно по утрамъ.
Въ аллеѣ мокнетъ чей-то мячъ,
И плачетъ мраморная Сафо,
И воробьи слетѣли съ дачъ
На проволоку телеграфа.
Гдѣ ты теперь? Въ тоскѣ, въ слезахъ
Ты не надъ прошлымъ-ли склонилась,
Или на-вѣки заблудилась
Въ чужихъ веселыхъ городахъ?
Несутъ письмо. Въ тревожномъ снѣ
Я странной радостью ужаленъ:
Я знаю: мѣръ вездѣ печаленъ, –
И ты жалѣешь обо мнѣ.

Семень Кесельманъ.

УЛИЦЫ.

(По поводу 119-ой годовщины основания Одессы).

Снимки, наброски и шаржи.

Предисловіе.

У беллетриста Сергѣева-Ценскаго есть великолѣпное сравненіе: «у него было лицо – как широкая, немощенная провинціальная улица».

Надъ этимъ сравненіемъ много смѣялись.

Поэтому, я поступлю какъ-разъ наоборотъ: буду искать не въ лицахъ – улицы, а въ каждой улицѣ – лицо.

И, – кто знаетъ? – можетъ быть, надо мною будутъ смѣяться меньше...

Дерибасовская.

Ея лицо я вижу только вечеромъ и на разсвѣтѣ. Днемъ – это пестрая, красивая, живая европейская улица съ яркими нарядами, кричащимъ блескомъ витринъ, улыбками женщинъ, автомобилями, афишами, дразнящимъ грохотомъ города и веселымъ солнцемъ юга.

Но вечеромъ она другая. Настоящая. У нея особый, только ей свойственный, запахъ. На ея скамьяхъ, въ тѣни деревьевъ, сидятъ особые люди. Они серьезны. Пугливо озираются. При встрѣчѣ съ знакомымъ принимаютъ непринужденный видъ, посвистываютъ или напѣваютъ... но это – такъ, для вида. И дѣвушки съ сумочками, питомицы Дерибасовской, понимаютъ ихъ и покорно ждутъ приглашенія...

И въ ихъ грубыхъ или равнодушныхъ, заискивающихъ или грустныхъ взглядахъ и чувствуется лицо Дерибасовской улицы.

Но еще ярче оно чувствуется на разсвѣтѣ, когда по ея усталой влажной мостовой плетутся сонныя дрожки съ блѣдными проститутками, когда падаютъ лошади на поворотахъ, а на мокрыхъ отъ росы скамьяхъ уже сидятъ какіе-то странные, невыспавшіеся люди съ сырыми газетами въ рукахъ и надъ всѣмъ этимъ одиноко высится милый единственный и странный тополь Дерибасовской улицы...

Ришельевская.

Излюбленное мѣсто шестнадцатилѣтнихъ флиртующихъ одесситовъ. Отъ угла Успенской, приблизительно до

Полицейской. На правомъ, если стать лицомъ къ театру, тротуарѣ.

Ежедневно, отъ пяти часовъ вечера, тамъ ржущими и гогочущими стаями бродятъ рослые и франтоватые одесскіе ученики. Фуражки у нихъ такъ изломаны, что походятъ больше на кашу, нежели на фуражку. Поясокъ обнимаетъ не торсъ, а лопатки, при чемъ пряжка приходится какъ-разъ на сердцѣ. Брюки, конечно, по-модному – «колоколомъ».

Бродятъ они группами, плечо къ плечу, курятъ, гудятъ, хохочутъ басомъ и острятъ на «популярномъ» жаргонѣ В. Хенкина...

Пушкинская.

Хорошая улица! Вегетарианская: по ней еще не ходитъ трамвай...

Впрочемъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ онъ ее пересѣкаетъ, и тамъ она вегетарианствуетъ меньше...

По ней всегда ходитъ и ѣздитъ много новыхъ людей. Это пріѣзжіе. Лица у нихъ въ большинствѣ случаевъ, удивленные. Въ глазахъ – любопытство. За то радостныхъ лицъ еще больше: это уѣзжихъ не съ вокзала, а на вокзалъ...

Преображенская.

Шумъ, грохотъ, рекламы, торговля, грязь... Будничная улица, но съ претензіями. Въ ней есть что-то, напоминающее длинный, неугомонный, болтливый и заплетающийся одесскій языкъ, который начинается съ «арис-

тократизма», а кончается базаромъ. Такъ и она. Начинается с «аристократическаго» садика и домовъ-дворцовъ, а кончается привознымъ базаромъ...

И, конечно, у базара видъ какъ-будто искреннѣе, чѣмъ у «дворцовъ»...

Тираспольская.

Трудовая, суетливая, «передаточная» улица. Непосредственно соединяетъ центръ съ Молдаванкой.

Любимое мѣсто для прогулокъ веселыхъ старичковъ и скучающихъ мужчинъ: по ней четыре раза въ день проходятъ съ работы и на работу сотни дѣвушекъ изъ магазиновъ, конфекціоновъ, конторъ, фабрикъ, мастерскихъ...

Канатная.

Узкая. Чуть хмурая. Какая-то прищуренная. Много солдатъ: казармы. Измѣнчивая, какъ все одесскія улицы: въ одной части строгая, чуть-чуть петербургская; въ другой – сразу дряблѣетъ. Въ первой части шляпы на головахъ сидятъ чинно. Въ другой-же сами собой съѣзжаютъ на затылокъ... Это вяжется со стилемъ.

Маразлиевская.

По этой гуляютъ самоубійцы и влюбленные парочки. Первые – когда до «рѣшительнаго момента», т. е. до спуска къ морю остается всего недели двѣ, а вторые – когда весна еще въ самомъ зачаточномъ состояніи и, ког-

да даже людныя аллеи парка могут помѣшать возвышеннымъ рѣчамъ о томъ, что жизнь – «это сфинксъ», душа человѣческая – загадка и т. д.

Для такихъ рѣчей лучшей улицы въ Одессѣ нѣтъ.

Приморская.

Интересная, холодноватая, немного средневѣковая и немного грустная улица. Вечеромъ и въ сумерки она прекрасна и поэтична съ висящими надъ ней мостами, съ своей кривизной, бѣднымъ освѣщеніемъ и неподвижностью...

День-же буднична, немного даже казарменна, пыльна и загромождена безконечными обозами, волами и красношеими грудастыми «биндюжниками» съ широко-разстегнутыми воротами грубыхъ рубахъ...

Б.-Арнаутская.

Улица бывшихъ экстерновъ и старьевщиковъ. Бывшіе экстерны ѣдятъ «пшонки», по субботамъ толпятся около сіонистской синагоги и усиленно читаютъ газеты. А старьевщики ходятъ по дворамъ, осматриваютъ вещи на свѣтъ и вздыхаютъ.

На этой улицѣ масса озабоченныхъ и какихъ-то немыхъ лицъ.

М.-Арнаутская.

Еще хуже. Сначала какой-то ужасъ: груды фруктовъ, доски, кнуты, ящики, могильныя плиты, камен-

ные кресты... Запахъ пекаренъ, смолы, гнилыхъ огурцовъ, тѣсноты и грязи... На тротуарахъ – полуголыя грязныя дѣти; у воротъ и на ступенькахъ толстыя, грязныя отвратительныя бабы и старухи... Все это неопрятно ѣсть, пить, хрипло ругается, шевелится, копошится, ходить...

За то дальше – лучше, хотя впечатокъ первой половины не совсѣмъ утрачивается.

Херсонская.

Университетъ и студенты. Студенты и университетъ. Радости не доставляютъ ни тотъ, ни другой. На Херсонской студенты, почему-то скучнѣе, чѣмъ на другихъ улицахъ. Да и улица сама по себѣ не веселитъ. Въ ней чувствуется что-то сонное и сытое. Не оживляютъ ее ни трамвай, ни театръ, на бібліотека, ни больница, ни университетъ, ни участокъ...

Княжеская.

Улица курсистокъ. Почти въ каждой семьѣ сдается комнатка или почти въ каждой живетъ курсистка. Комнатка, обыкновенно, чистенькая и скромная, кровать – заботливо прибрана, и надъ ней висятъ «виды»: «Островъ Мертвыхъ» Беклина и «Меланхолия», не помню чья, изображающая полуодѣтую дѣвушку съ руками на поясницѣ, стоящую на разсвѣтѣ у окна...

Кажется, этотъ «Островъ Мертвыхъ» съ этой неизмѣнной «Мелан-

холой» висять и надъ всей узкой, скромненькой и прибранной Княжеской улицей – этой сѣренькой улицей, маленькой, комнатной тоски...

Улица Гоголя.

Милая, красивая улица. И самая тихая: на ней нѣтъ ни одного ресторана. По ней иногда гуляютъ непонятные, неудачливые, но чувствующие красоту люди. Примыкающій къ ней Сабанѣевъ мостъ, высокія стильныя зданія, заколоченные окна толстовскаго дома, тишина и густыя деревья – все это дѣйствуетъ почти всегда умиротворяюще и тихо будитъ больную, обиженную мечту...

Московская.

Пересыпь. Тутъ ужъ совсѣмъ иной стиль. Широкая, безалаберная, незастроенная, полу-пустынная. Заводы. Мельницы. Странные дома. Странные люди. Полудикія лица. Безпрерывное движеніе: на странныхъ, грязныхъ кибиткахъ ѣдутъ куда-то, поджавъ подъ себя ноги, какія-то бабы, мужики. Они страшно здоровы и, должно быть, по-звѣриному жестоки и наивны. Отъ домовъ пахнетъ скверной пищей... Скучно!

Прохоровская.

А это – молдаванка. И еще цѣлый рядъ улицъ: Мясоѣдовская, Болгарская и т. д.

То-же впечатлѣніе полудикости, заброшенности. Жалкія парикмахерскія. Комичные франты. Дикіе парни съ надринутыми на глаза фуражками. Разбитныя дѣвушки. Грязныя, полуголыя дѣти. И все это живетъ, движется, дерется, смѣется, смотритъ на все новое жадными горящими готтентотскими глазами...

Всюду торгуютъ, божатся, не довѣряютъ. Подъ деревьями часто валяются пьяные. Имъ растираютъ уши или тащатъ на дрожжахъ въ полицію.

Кладбищенская.

Довольно веселая, живая улица, съ трамваемъ, освѣщеніемъ и т. д.

Но на ней есть нѣсколько типовъ тихихъ сумасшедшихъ... Одинъ изъ нихъ, старикъ, наиболѣе характеренъ. Онъ всегда спокоенъ и еле-замѣтно улыбается въ усы. Съ утра до вечера онъ на улицѣ и съ неизмѣнной своей полу-улыбкой провожаетъ похоронныя процессіи. Проводитъ одну, возвратится, по дорогѣ встрѣтитъ другую и – опять... И такъ изо дня въ день...

И, мнѣ кажется, этотъ старикъ несетъ въ себѣ душу этой улицы...

Елисаветинская.

Тихая, «аристократическая» улица. И по ней идетъ трамвай, но оживленія, какъ и на Херсонской, нѣтъ. Все почему-то кажется, что на ней живутъ однѣ вдовы и сдають комнаты солиднымъ жильцамъ.

Глухая.

Улица красных фонарей, бурного
веселья, и неожиданных встреч: от-
цовъ съ сыновьями, учениковъ съ вос-
питателями и т. д. и т. д.

Одна изъ «искреннѣйшихъ» улицъ
въ Одессѣ.

Для института благородныхъ
дѣвицъ подходитъ мало.

Но на ней, кажется, и не собирается
никто строить этотъ институтъ.

ЗОЗУЛЯ.

Фельетонъ.

I.

RUE DE-RIBAS. (Дерибасовская).

Милый, мелькнувшій обманъ...

Rue De-Ribas...

Былъ я изысканно пьянъ

Вечеромъ разъ.

Глупо ревущій авто

Яростно мчалъ...

Все было то, да не то...

Что-то я ждалъ.

Дымная мгла фонарей,

Лента толпы.

Женщина, греза о ней?

Явь?.. Нѣтъ не ты!

Милый, мелькнувшій обманъ, -

Огненность глазъ.

Сладкихъ свершеній дурманъ, -

Rue De-Ribas!

Влад. Дитрихштейнъ.

СЕНТЯБРЬ

Ты вновь стоишь у темных берегов,
Вновь на стѣнах твои сырыя вязи,
Больная осень звонких городов, –
Печальный праздник золота и грязи.

* * *

Надъ заводью вечернихъ площадей
Дрожатъ огни прозрачными слезами,
И ночь, глядя незрящими глазами,
По небу гонить черныхъ лебедей.

Семень Кесельманъ.

Къ открытію консерваторіи въ Одессѣ.

Первыя ласточки

Большіе и малые.

Портреты и шаржи (Наши писатели и журналисты).

«...меж дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголь...»
И т. д.

Примѣчаніе.

Собственно говоря, это продолженіе вынужденное: послѣ появленія прошлаго фельетона на меня обидѣлись многіе – очевидно, не совсѣмъ разобравшіеся ни въ значеніи, ни въ цѣляхъ, ни въ видахъ шаржа. Но, оказывается, еще больше обидѣлись тѣ, о которыхъ я не писалъ совсѣмъ. Нѣкоторые изъ нихъ письменно жаловались мнѣ и редактору «Понедѣльника». Что-жъ «восполняю пробѣлъ».

М. Аринштейнъ (Андрей Марекъ).

Польско-еврейскій драматургъ. Человѣкъ съ кошачьими жестами и походкой. Любитъ поговорить по-русски, терпѣливо выслушивать поправки и тут-же перевернуть ихъ. Пишетъ по 10 пьесъ въ недѣлю, а потомъ говоритъ съ лукавой скромностью, не сдерживая, однако, самодовольной улыбки:

– Я работалъ нимножко...

Б. Антоновскій.

Художникъ. Каррикатуристъ и иллюстраторъ. Очень наблюдателенъ. Немного знаетъ и хорошо любитъ

жизнь. Рисуетъ мало, но по утрамъ поетъ басомъ, подражая Шаляпину и Цесевичу. Дома имѣетъ канарейку, которая по приказу садится къ нему на палецъ. Очень доволенъ симъ обстоятельствомъ...

К. Бархинъ.

Поэтъ, библиографъ и библиофилъ. Очень дорожитъ старыми завѣтами русской литературы и говоритъ женскимъ голосомъ. Въ редакціи ходитъ безъ пиджака и имѣетъ вѣчно-невыспавшійся видъ. Кроме того, корректный, мягкій, добросовѣстный и милый человѣкъ.

С. Закъ.

Малъ ростомъ, вѣчно ходитъ съ книжкой подъ мышкой, но на ученика все-таки не похожъ. Тихій, любезный и пріятный человѣкъ, но когда говоритъ въ одной комнатѣ, то въ пятой спрашиваютъ: «что случилось? Гдѣ скандалъ?».

Говоритъ менѣе страстно не можетъ. Когда говоритъ, то одной рукой держится за спинку стула, другой размахиваетъ надъ головой, а сидѣнье стула безжалостно бодаетъ колѣномъ...

Очевидно желаетъ, чтобы и оно слушало...

С. Кесельманъ.

Студентъ. Пишетъ нѣжные, задумчивые, покорно-тонкіе и очень художественные стихи. Остроумень. Очень мнителенъ. Очень боится простудиться, а также испачкать новое пальто.

Комаръ.

Плотный, веселый, брюшковатый типъ съ вѣчнымъ видомъ именинника. Одѣвается весьма экзотично: зеленый галстухъ, горохового цвѣта пиджакъ и оливковые брюки. Ходитъ переваливаясь на мягкихъ подошвахъ. Сыплеть экспромтами и сам-же хохочетъ. Въ самоубійцы не годится и надъ «проклятыми вопросами» страдаетъ умѣренно.

И. Ксидіась.

Издатель газеты «Южная Мысль». Иногда и самъ любитъ пописать -

все о сильныхъ людяхъ. Напримѣръ, о Наполеонѣ. Очень спокоенъ, черенъ, моложавъ, удивительно-корректенъ и милъ. Самый хладнокровный, сдержанный человѣкъ въ Одессѣ. Иногда, впрочемъ, напряженно размышляетъ. Если это на улицѣ, то руки при этомъ держитъ на поясицѣ, головой слегка подергиваетъ, точно поправляя воротникъ, а котелокъ при этомъ чуть-чуть съѣзжаетъ на макушку...

Э. Кроткій.

Маленькій, сухонькій мальчикъ. Остричь. Иногда довольно остроумно. Но при этомъ суетится: нагибаетъ голову къ плечу, машетъ ручкой и подтанцовываетъ на одной ножкѣ... Вообще, способный юноша.

Лери.

Большой, высокий, съ круглымъ немного бабьимъ лицомъ, напоминающимъ почему-то плохо-выпеченное тѣсто... носитъ бѣлые брюки, и пишетъ въ «Листкѣ» звонкіе стихи.

Лоэнгринъ.

Милый, мягкій добрѣйшій человѣкъ съ легкими замашечками стараго холостяка. Добродушно улыбается въ усы. Чуть-чуть медлителенъ. Когда рѣшаетъ что-нибудь сдѣлать или куда-нибудь уйти, то самъ себя «даетъ звонки»:

- Первый звонокъ. Дзинь-дзинь-дзинь...

И только послѣ «третьяго звонка», добродушно улыбаясь въ усы и посапывая, уходитъ...

Mad.

Каррикатурист. Похожъ на англичанина. Чопоренъ, холоденъ. Говоритъ съ застывшимъ лицомъ. Очень тактиченъ.

Л. Митницкій.

Тоже каррикатурист. Очень любить литературу, вѣчно занятъ размышленіями и задаетъ всѣмъ такіе, напримѣръ, вопросы:

– Скажите, пожалуйста, кто талантливѣе: Леонидъ Андреевъ или Л. Думскій?

Я.Г. Натансонъ.

Издатель «Одесскихъ Новостей». Господинъ с желтой бородкой и рыбыими глазами. Любитъ кататься на автомобилѣ и смотрѣть по сторонамъ. Легкій и щедрый человѣкъ. Страстно любить почет и тайно мечтаетъ стать сербскимъ консуломъ.

В. Надель.

Полжизни своѣй проводитъ въ Крыму, а въ остальное время ходитъ по одесскимъ улицамъ вдоль стѣнъ со своимъ мечтательно-наивнымъ и рассеянно-угнетеннымъ лицомъ. Жалуется на одиночество. Въ Крыму пишете объ Одессѣ. В Одессѣ – о Крымѣ.

П. Нилусъ.

Беллетристъ и художникъ. Средняго роста мужчина съ сытой и чуть топорной нижней половиной лица. Незримо пишетъ романы и озаглавливаетъ приблизительно такъ: «Жизнь». Но, глядя на него, поневолѣ думается: нѣтъ, братъ, о жизни ты не напишешь...

Н Осиповичъ.

Самый нужный человѣкъ въ Одессѣ: издаетъ популярный «журналъ для еврейскихъ дѣтей» «Колося». Но еврейскимъ «дитятей», въ данномъ случаѣ, оказывается одинъ только корректоръ – да и то за приличное вознагражденіе.

Коренастый, короткошей человѣчекъ. Похожъ больше на шахдена или на ходатая по бракоразводнымъ дѣламъ, чѣмъ на литератора.

Пишетъ еще въ «Современномъ Мирѣ» и часто справляется въ адресномъ столѣ, гдѣ находится слава, а также, гдѣ-бы добыть грамматику.

С. Пень.

Адвокатъ, раввинъ и истинно-курчавый еврей. Пишетъ надрывнопатетически и любитъ такіа фразы, какъ «великій русскій языкъ». Увѣряетъ, что пишетъ не чернилами, а кровью. Лѣтомъ-же ѣздитъ за-границу.

Фаустъ.

Средняго роста, чернобородый еврей, лѣтъ сорока. Выраженіе лица

нѣсколько затаенно-ехидное. Носъ крючкомъ. Одѣтъ неважно. Когда сидитъ въ театрѣ, въ первыхъ рядахъ, то смущенно уходитъ головой въ плечи, жадно, пугливо смотреть по сторонамъ и мнетъ программу.

А. Цѣновскій.

Журналистъ, композиторъ, дирижеръ, врачъ, беспощадный обличитель зла и защитникъ угнетенныхъ и оскорбленныхъ.

На-рѣдкость толковый человѣкъ. Никогда ничего не путаетъ! Еще ни разу не случилось, чтобы онъ въ редакцію, вмѣсто статей, прислалъ ноты, продирижироваль-бы симфонію – перомъ, а угнетенныхъ защитилъ-бы дирижерской палкой.

Прямо изумительный человѣкъ!

Ш. Шварцъ.

Живой настой изъ непримиримаго сіонизма. Покорно носить кличку «еврейскаго Пуришкевича». Лицо имѣетъ блѣдное, глаза уходящіе въ себя – глаза фанатика, но на губахъ – неожиданно

приятная улыбка. Хорошій товарищъ и скромный, порядочный человѣкъ.

С. Штернъ.

Единственный журналистъ среди коммерсантовъ, но не единственный коммерсантъ среди журналистовъ. Высокій господинъ съ выбритымъ, матовымъ лицомъ и наивно-внимательными близорукими глазами. Ходитъ по улицѣ съ торпливымъ и дѣловымъ видомъ. Но отъ него вѣтъ почему-то не дѣльцомъ, а дилетантомъ.

Зозуля.

Тоже обиделся, что не замѣтилъ себя въ прошлый разъ. На послѣднее мѣсто поставилъ себя потому, что скромнень. Вообще, очень скромный, тихій, милый человѣкъ. Хочетъ быть вторымъ Чеховымъ, но, вѣроятно, будетъ первымъ Зозулей. Больше всего на свѣтѣ любитъ: во-1) прекрасныхъ женщинъ и во-2) хорошіе рассказы. Женщинъ любить толстыхъ, а рассказы тонкіе.

Зозуля.

Замѣтки актера.

1.

Въ послѣдней книжкѣ «Вѣст. Европы» начало повѣсти П.Д. Боборыкина: «Туда! Туда!» По всѣмъ даннымъ, главное лицо – В.Ө. Комиссаржевская.

Легко угадываются фигуры Савиной, Яворской, Мейерхольда, Художественниковъ. Повѣсть ведется отъ имени главной героини и пестритъ интересными, то мѣткими, то простыми и зна-

комымы афоризмами наблюдєніями, парадоксами, замѣчаніями.

2.

Одинъ изъ основныхъ завѣтовъ великаго служенія актрисы:

«Прежде всего, надо уйти отъ создаванія себѣ мѣста «премьерши».

3.

Грустная истина:

«Роль – при туалетѣ – честь женщины! Это взятка или директора, или режиссера, или актера!»

А, въ общемъ, жалкое и странное явленіе, будто «человѣкъ... при саванѣ!..»

4.

Объ опустошеніи душъ и о живой смерти:

«Сцена почти у всѣхъ выѣдаетъ душу. Точно нѣтъ ни Бога, ни природы, ни общества, ни добра, ни нравственнаго идеала, ни той к р а с о т ы, къ которой тянется всякая неомертвѣлая душа».

5.

Нѣчто о психопатіи, хотя и лестной:

«Онѣ (поклонницы) васъ цѣлуютъ, обнимаютъ, бросаются на колѣни, говорятъ всякія безумныя вещи».

Подъ всѣмъ этимъ есть какое-то даже извращеніе».

6.

А вотъ и рѣшительное слово по спорнѣйшему изъ вопросовъ:

«Актеръ и актриса именно въ бытовыхъ пьесахъ и находятъ пищу въ

томъ, что называется «художественнымъ развратомъ».

Ѳ.

Но тутъ-же и другое, – уже безспорное:

«Убить актера, это все равно что убить самый театръ».

8.

Характеристика, такъ-называемыхъ, «школь»:

«Прославленная парижская консерваторія – фабрика канареекъ, выученныхъ пѣть, или говорить подъ органчикъ».

9.

И еще, какъ будто о томъ-же:

«Да погибнетъ всякая «читка», если подъ нею нѣтъ полного слиянія съ тѣмъ «я», которое вы воплощаете на подмосткахъ!»

10.

О художественникахъ:

«Они открыли секретъ изъ низко й пьесы создавать нѣчто цѣльное».

Просто, казалось-бы, но не легко!

11.

О женщинѣ и теоріи, или женщина и театральная революція:

«У женщины своя область, свое царство. Трепетный складъ ея души позволяетъ ей отгадывать – что можетъ, въ данный моментъ, двигать впередъ».

Не женщины создали христіанство: но онѣ стали ходить за тѣмъ, кто принесъ съ собою «вѣсть».

Прекрасно! Но тѣмъ трагичнѣй доля актрисы – новаторши!..

Одессити и театр.

(Къ открытію театральнаго сезона)

Рис. Б. Антоновскаго.

12.

«Только мужчина может так жить отвлеченными выводами и так проникаться тѣмъ, что ему кажется,

въ данный моментъ, откровеніемъ, раскрытіемъ истины.

Женщинѣ это – въ такой степени – не дано!»

13.

Интересное (хотя и не новое) о суетьри кулисть:

«Кто вкусиль яда подмостокъ, вряд-ли когда-нибудь уйдетъ отъ суетьрныхъ примѣтъ».

14.

Идеаль:

«Надо у н и ч т о ж и т ь с я, какъ личность, надо безусловно забыть, что ты живешь на свѣтѣ, что ты играешь. Но этого мало: не только забыть, что ты играешь, но и не чувствовать самое себя».

И, как всякій идеаль, недостижимъ...

15.

Изъ гнилой книжки М. Суkenникова «Петербургская гниль»:

«Невѣжество русскаго актера тѣсно граничить съ большой дозой нахальства. Надо тутъ-же отмѣтить, что рѣчь идетъ не о «профессіональномъ» нахальствѣ, когда актеръ кичится передъ товарищами своими успѣхами и заботится о томъ, чтобы лживая его похвальба дошла до ушей того, отъ кого онъ ожидаетъ контракта и куска хлѣба на сезонъ».

Старая пѣсенка на мотивъ: «было, да прошло»...

М. Суkenникову нужно было-бы раньше родиться: запоздалъ!

16.

Оттуда-же и на тотъ-же мотивъ:

«Актеры показываются на скачкахъ, проигрываютъ на бѣгахъ, ведутъ

образъ жизни, какой ведутъ коcotки или содержанки, одѣваются вычурно, выражаютъ громко желаніе летать съ авіаторомъ, просятъ его, что-бы онъ съ аэроплана бросалъ ихъ портреты, какъ это было сдѣлано для одной исполнительницы цыганскихъ романсовъ, словомъ, всячески заставляють говорить о себѣ, какъ говорятъ о модной коcotкѣ, лишь-бы имя ихъ пестрѣло въ печати».

Охъ, не одни актеры! Охъ, и литераторы, и авіаторы, и художники, и борцы – и даже шуллера.

Вѣкъ-съ такой!..

17.

Изъ шутивно-фельетонныхъ проектовъ: «театръ антрактовъ». Мотивъ? Очень логичный:

«Нѣтъ такой дамы, которая, стоя передъ зеркаломъ и натягивая перчатки, не думала-бы, что она – самое главное въ томъ спектаклѣ, на который собирается ѣхать. И она права, потому что нѣтъ такого мужчины, который, входя въ зрительный залъ, не искалъ-бы глазами «эспри» Зинаиды Николаевны или декольте Екатерины Васильевны... А пьеса? Ну, пьесу-то они могли прочесть дома, да и къ чему она имъ? Что они за критики такіе? А вотъ платье отъ Пуаре или Пакэна, его дома не покажешь, оно публики требуетъ, зрителей, зрительнаго зала... Антрактъ вотъ – главное. Пьеса – это для актеровъ, для рецензентовъ, а для публики – антрактъ!»!

Пожалуй...